

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

О КРИТЕРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

© 2011 г. Олег Александрович Михаль¹

Краткая аннотация: в статье анализируется сущность явления классификации преступлений, а также ее критерий (материальный и формальный).

Annotation: in the article is analyzed the essence of the phenomenon of the classification of crimes, and also its criterion (material and formal).

Ключевые слова: критерий классификации преступлений, логические правила построения классификации преступлений, существенные и несущественные признаки классификации преступлений.

Key words: the criterion of the classification of crimes, the logical rules of the construction of the classification of crimes, the essential and unessential signs of the classification of crimes.

Цель исследования любого явления – раскрыть его сущность. Взаимосвязь сущности и явления заключается в том, что, во-первых, явление с его признаками выступает исходным моментом познания сущности, а во-вторых, в том, что познанная сущность, в свою очередь, углубляет знание о явлении, раскрывает его.

Сущность явления не находится на поверхности и поэтому не может быть дана в непосредственном восприятии. Если само явление воспринимается на основе характеризующих его признаков, то сущность того или иного явления “может быть раскрыта лишь научным исследованием”².

“Явление не показывает ничего такого, чего не было бы в сущности, – писал Гегель, – и в сущности нет ничего такого, что не являлось бы”³. Следовательно, сущность любого явления, в том числе и преступления, лежит в плоскости тех признаков, существенных черт, которыми характеризуется явление. В этой связи сущность преступления следует видеть в общественной опасности данного вида социально-правового явления, поскольку именно общественная опасность выделяет преступление в ряду иных правонарушений.

Внешнее отражение сущности классификации преступлений – это прежде всего закрепление ее в законодательстве. Законодатель выделил два критерия осуществления этого отражения. Речь идет о санкции статьи и форме вины, ко-

торые характеризуют ту или иную категорию преступления.

Изучая признаки явления классификации преступлений в виде санкции статьи и формы вины, можно проникнуть в ее сущность. Вопрос о сущности классификации преступлений может и должен связываться лишь с объективностью характера причиняемого общественным отношениям вреда, конкретным выражением которого является общественная вредность преступления.

Каждое преступление причиняет вред конкретному объекту или создает угрозу причинения такого вреда. Подавляющее большинство ученых в области уголовного права именно в этом видят общественную опасность преступления. Однако причинение вреда охраняемым уголовным законом объектам есть еще не общественная опасность, но только ее предпосылка. В причинении вреда общественным отношениям выражается общественная вредность преступления, лежащая в рамках уголовного права или уголовного закона. Общественную опасность, как правильно отмечал М.И. Ковалев, необходимо искать за пределами уголовного права, в социальной действительности⁴. Всякое преступление, причиняющее вред охраняемому объекту, таит в себе, по выражению К. Лютова, дальнейшую опасность⁵.

В основе общественной опасности преступления как угрозы наступления неблагоприятных последствий для человека, общества или

¹ Доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук (E-mail: michal_71@mail.ru).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. М., 1960. С. 552.

³ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1975. С. 128.

⁴ См.: Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. С. 59.

⁵ См.: Лютов К. Содержание понятия “общественная опасность” // Вопросы уголовного права стран народной демократии. М., 1963. С. 233.

государства лежит ее природная способность к изменению окружающего мира⁶. В результате совершения преступлений и наступления последствий (первого порядка) в обществе происходят существенные изменения внутреннего характера, направленные на предотвращение возможной опасности новых преступлений. Человек, общество и государство вынуждены защищать себя от грядущих преступных посягательств. Основу общественной опасности преступления составляет то, что преступное поведение или деятельность, обладая свойствами прецедента, создают угрозу повторения подобных преступлений в будущем⁷.

Общественная вредность, являясь категорией сущности классификации преступлений, первоначально как объект исследования представлена в качестве явления. Чтобы проникнуть в сущность данного явления, необходимо, опираясь на другие категории, пройти длительный путь познания. «Поэтому категория сущности, — пишет В.И. Кириллов, — в познавательном процессе выступает лишь в конце этого пути, и, только раскрыв сущность, познание вновь возвращается к явлению, рассматривая объект как единство явления и сущности»⁸.

Исторически и логически познание начинается с познания вещей по их свойствам. Не является исключением и классификация преступлений. Изучение конкретных категорий преступлений позволяет обеспечить познание сущности категоризации преступлений. Сравнивая, скажем, преступление небольшой тяжести в ч. 1 ст. 129 УК РФ в виде клеветы с преступлением средней тяжести в ч. 3 той же статьи в виде клеветы, соединенной с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, можно прийти к выводу, что единственным отличием этих двух категорий преступлений является отсутствие квалифицирующего отягчающего обстоятельства в преступлении небольшой тяжести. Таким образом, можно установить зависимость категорий преступлений от определенных условий.

Изучение закономерностей формирования более тяжелой категории преступления в сравнении с менее тяжелой обеспечивается логическим познанием «вещи» в виде познания свойств категорий преступления. Началом исторического и логиче-

ского познания классификации преступлений является как раз познание таких свойств категорий преступлений, как их уголовно-правовые последствия. Так, например, в соответствии со ст. 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред.

При помощи операции сравнения устанавливается тождество и различие объектов в виде категорий преступлений в их определенных свойствах. То обстоятельство, что количественная определенность категории преступления может выражаться с помощью математического понятия «степень» общественной вредности преступления, приводит к определению категорий «количество» и «качество» в классификации преступлений.

Неоднородность, неодинаковость свойств находит свое выражение в формально-логической классификации признаков (и в том числе в классификации преступлений), в которой наиболее важное значение имеет их деление на существенные и несущественные. Признак в виде санкции статьи, который принадлежит предмету при всех условиях и без которого данный предмет в виде категорий преступлений существовать не может, выражает коренную природу и тем самым отличается от предметов других видов и родов. Такой признак следует признавать существенным. Соответственно, признак в виде формы вины является несущественным, поскольку он может принадлежать, а при некоторых условиях может и не принадлежать предмету. Так, например, для преступлений небольшой тяжести, за совершение которых максимальное наказание не превышает двух лет лишения свободы, не имеет значения, умышленное это преступление или неосторожное. Таким образом, это «наталкивает» на вывод, что законодатель искусственно выделил в качестве явления и одновременно критерия классификации преступлений — форму вины.

Наличие в уголовном законодательстве в классификации преступлений двух критериев — санкции статьи и формы вины порождает практическую проблему. Совершение преступлений с одинаковой санкцией (свыше пяти лет лишения свободы), но имеющих разную форму, вины влечет различные юридические последствия: они относятся к разным категориям преступлений. Указанная несправедливость обусловлена существенным недостатком методологического характера. При установлении критериев категорий преступлений нарушено одно из логических правил

⁶ См.: Мальцев В.В. Категория «общественно опасное поведение». Волгоград, 1995. С. 62.

⁷ См.: Фелелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны. М., 1992. С. 27.

⁸ См.: Кириллов В.И. Логика. Учеб. для юрид. вузов / Под ред. В.И. Кириллова и А.А. Старченко. Изд. 5-е. М., 2001. С. 38.

классификации, в соответствии с которым одно и то же явление – одна и та же санкция статьи – не может быть принадлежностью различных классов.

Несущественность такого критерия классификации преступлений, как форма вины, и одновременно выделение санкции статьи в качестве единственного такого критерия, включает в себе то, что сущность “проявляется”, обнаруживается вовне, через санкцию статьи. Вторичность формы вины, ее несущественность “обнаруживается” в том, что разделение категорий преступлений лишь по форме вины и без санкции статьи невозможно.

Вместе с тем, в науке уголовного права вопрос о критерии классификации преступлений до сих пор остается дискуссионным.

В.П. Махоткин отметил, что к “решению проблемы установления критериев классификации преступлений наметились три основных подхода. Одни ученые предполагают использовать для этих целей законодательную санкцию, другие – перечни преступлений, третьи – наказание, назначенное по приговору суда”⁹. Однако очевидно, что второй и третий подходы производны от первого.

Закрепление в законе классификационного перечня преступлений приведет к ненужной громоздкости и, главное, не решит проблемы объективности признака разграничения различных преступлений на категории. Третий подход помимо решения основной цели классификации затрагивает не только группируемые преступления, но и вопросы личности виновного, отягчающие и смягчающие обстоятельства, поскольку при назначении наказания суд учитывает и вышеуказанные обстоятельства.

Заметим, что позиция юристов, исследовавших проблему классификации преступлений (Н.И. Загородников, И.Я. Козаченко, Л.Н. Кривоченко и др.), практически единодушна: основанием классификации преступлений должна признаваться санкция статьи¹⁰.

Однако содержанием общего понятия преступления и делением их на группы (классы) могут быть лишь те признаки, которые отражают существенные, типичные и закономерные для мно-

жества общественно вредных деяний признаки. Вопрос о материальном (вытекающем из сущности преступления) критерии классификации может и должен связываться лишь с объективностью характера причиняемого общественным отношениям вреда.

Выделяя общественную опасность в качестве критерия (основания) классификации, Л.Н. Кривоченко отмечает, что общественная опасность не может быть воспринята и понята однозначно, а потому необходима “разработка формальных критериев классификации в дополнение к основному, материальному”. На основе данного постулата она делает вывод о том, что именно в характере и размере санкции наиболее полно выражается законодателем оценка характера и степени общественной опасности того или иного преступления¹¹.

Поскольку одним из свойств категорий преступлений является специфичность, особенность выделения конкретной группы преступлений, отличающая ее от других объемом общественной вредности, каждой категории соответствуют специфические критерии: материальный – характер и степень вредности и формальный – типовая санкция.

Общественная вредность, как содержательный признак деления преступлений по их тяжести должна браться за основу и отражать важность объекта посягательства, размер причиненного ущерба, форму вины, характер мотивов и целей и иные обстоятельства¹².

Поскольку классификация преступлений является разновидностью частной классификации, она подчинена логическим правилам деления объема понятия: в одной и той же классификации следует применять одно и то же основание.

Вместе с тем, некоторые ученые допускают в одной и той же классификации преступлений наличие, как минимум, двух критериев.

На наш взгляд, эту ошибку допускает В.В. Питецкий, который справедливо обратил внимание на то, что, если два человека осуждены к девяти годам лишения свободы, это означает, что совершенные ими преступления по своей общественной вредности примерно равны. Однако если преступление, совершенное А., является тяжким, а совершенное Б. – особо тяжким, то разница в

⁹ Махоткин В.П. Классификация преступлений по степени их общественной опасности // Сов. гос. и право. 1988. № 1. С. 80.

¹⁰ См., например: Загородников Н.И. Классификация преступлений и ее значение для деятельности органов внутренних дел. Учебн. пос. / Под ред. Н.И. Загородникова. М., 1983. С. 8–20 и др.

¹¹ См.: Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. Харьков, 1983. С. 49.

¹² Подробнее об этом см.: Марцев А.И., Михаль О.А. Теоретические вопросы классификации преступлений // Правоведение. 2004. № 5. С. 111, 122.

категориях преступлений повлечет для указанных лиц серьезные различия по иным уголовно-правовым последствиям.

Так, А. будет отбывать наказание в колонии общего, а Б. – в колонии строгого режима или даже в тюрьме. Условно-досрочное освобождение или замена наказания более мягким у А. может произойти через четыре с половиной года, а у Б. – через шесть лет. Различными для них будут сроки погашения судимости и т.д.¹³ Причина вышеуказанной несправедливости кроется в том, что “категоризация преступлений, закрепленная в действующем УК, имеет... существенный недостаток методологического характера. При установлении категорий нарушено одно из правил классификации, в соответствии с которым одно и то же явление не может быть принадлежностью различных классов”¹⁴.

Делая шаг в правильном направлении, В.В. Питецкий, справедливо указал на то, что “неверно выделение категорий с учетом только максимального предела наказания, который отражает лишь верхний уровень общественной опасности, оставляя без внимания нижний ее уровень”¹⁵. Вместе с тем, он допускает другую ошибку методологического плана. Критерием классификации преступлений провозглашается назначаемое судом наказание с учетом общественной вредности конкретно совершенного преступления.

Ошибочность такой позиции обусловливается несколькими обстоятельствами.

Во-первых, назначаемое наказание зависит от санкции статьи, а потому оно вторично по отношению к санкции.

Во-вторых, при назначении наказания судом учитываются не только группируемые преступления, но и вопросы личности виновного, отягчающие и смягчающие обстоятельства.

В-третьих, назначаемое судом наказание “порождает” категорию преступления и его общественную вредность, а не преступления – наказания, что вольно или невольно закрепляет формальное определение преступления, которое не указывает критерии признания деяний преступными. При анализе такого “определения” нельзя не заметить, что общественная вредность для существующих общественных отношений

названного в законе деяния подменяется признаком его наказуемости.

Таким образом, общественная вредность определяется наказуемостью и “выводится” из нее, хотя она (общественная вредность) – категория объективная, существующая вне нашего сознания, и наказание (в том числе и назначаемое судом) должно обуславливаться категорией преступления, а не преступления – наказания.

В-четвертых, логическое правило построения любой классификации требует применять одно и то же основание. В данном же случае в одной и той же классификации преступлений уже даже не два критерия, как у законодателя, а целых три: 1) форма вины; 2) назначаемое судом наказание; 3) санкция статьи. Причем последнее основание (санкция статьи) будет вынужденно использоваться на досудебных стадиях определения категории преступления, поскольку правоприменительные органы, например, имеют право освобождения от уголовной ответственности по не реабилитирующим основаниям по ст. 75, 76 УК РФ за преступления небольшой и средней тяжести.

В-пятых, одно и то же преступление в зависимости от того, на какой стадии уголовного процесса (досудебной или судебной) оно рассматривается и какой срок наказания назначит суд, будет иметь различные категории преступлений.

Однако, таким образом, В.В. Питецкий противоречит сам себе, утверждая, что “одно и то же явление не может быть принадлежностью различных классов”¹⁶.

В-шестых, нельзя не учитывать возможных злоупотреблений со стороны судов в определении категорий преступлений.

В-седьмых, “эффект несправедливости” современных санкций, при которых одинаковое назначаемое судом наказание влечет различные уголовно-правовые последствия, может “преодолеваться” не указанием на минимальный и максимальный пределы назначаемого судом наказания, но должен разрешаться установлением верхнего и нижнего пределов наказания в рамках самих категорий преступления. Например, для тяжких преступлений нижний предел должен быть установлен в пять лет лишения свободы, для особо тяжких – десять лет лишения свободы. Тогда одинаковые назначаемые судом наказания будут порождать одинаковые уголовно-правовые последствия.

¹³ См.: Питецкий В.В. Категоризация преступлений и принцип справедливости в уголовном законодательстве // Гос. и право. 2005. № 4. С. 91.

¹⁴ Там же. С. 92.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

В настоящее же время законодателем нарушено логическое правило о взаимном исключении членами классификации друг друга. Верхний и нижний пределы санкции статьи должны соответствовать лишь одной категории преступления.

Вместе с тем недостатки нынешнего подхода законодателя к классификации преступлений характеризуются не только и не столько нарушением правил формальной логики, сколько обусловлены, по существу, отрицанием целей наказания и задач, решаемых уголовным правом. Поскольку совершенное преступление нарушает социальную справедливость, у государства появляется право наказать виновное в этом лицо. При этом наказание выступает в качестве “платы” за совершенное преступление, размер которой зависит от тяжести последнего.

Противоречивость существующей судебной практики при назначении наказания и возможность произвольного освобождения судьей от реального отбывания наказания практически любого лица создают благоприятную почву в судебской среде и еще более благоприятную почву для слухов о такой коррупции, которые всегда будут преувеличивать ее размеры в десятки раз. Это подрывает доверие граждан и к суду, и к власти в целом¹⁷.

Применительно к отечественному законодательству представляется, что на сегодняшний день задача состоит не в глобальной замене существующей системы назначения наказания иной, принципиально новой, основанной на измерении общественной вредности или на подобно действующих в США федеральных руководствах по назначению наказаний, а в обеспечении назначения наказания на основе закона – справедливого наказания в рамках санкций, сужении пределов судебного усмотрения, которое при выборе наказания в рамках санкции чрезмерно велико и практически бесконтрольно.

Различия в размерах санкций, когда разрыв между верхним и нижним пределами наказания достигает 60-кратного размера, (например, в ч. 4 ст. 183 УК РФ) допускают широкие возможности для судебного усмотрения и приводят к явным несоразмерностям в размерах назначенных судами наказаний за совершение одних и тех же или схожих преступлений. Это, в свою очередь, нарушает принцип справедливости наказания и дела-

ет в ряде случаев непредсказуемыми результаты судебного разбирательства¹⁸.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что границы уголовно-правовых санкций, в пределах которых судом может быть назначено наказание, должны быть обозримыми, и эти границы не должны превращать судебское усмотрение в судебский произвол¹⁹.

Решение проблемы уменьшения судебного усмотрения при назначении наказания видится в возможности сокращения широты диапазона санкций статей в Особенной части УК РФ с “привязкой” их к категориям преступлений. Достижение принципа справедливости назначенного наказания, таким образом, напрямую обуславливается зависимостью нижнего и верхнего пределов каждой категории преступления от логических правил построения классификации преступлений.

Поскольку форма вины наряду с ценностью объекта посягательства является лишь одним из признаков характера общественной вредности, сама по себе она не может быть критерием классификации преступлений. Элементами общественной вредности классификации преступлений являются ее характер и степень, признаками характера общественной вредности – помимо ценности объекта посягательства и форма вины, признаками степени общественной вредности – тяжесть последствий и способ совершения преступления.

При нарушении законодателем логических правил классификации критерием последней является наличие двух оснований: формы вины и санкции статьи аналогично делению детей, например, по росту и цвету глаз одновременно.

Между тем критерий классификации должен быть только один, допустим, цвет глаз, а членов деления по этому основанию может быть несколько: зеленые, голубые, и иные цвета глаз. Но согласно ст. 15 УК РФ форма вины дважды учитывается в одной и той же классификации преступлений: и в качестве признака характера общественной вредности, и в качестве отдельного критерия классификации, хотя преступления подразделяются только по характеру и степени общественной вредности.

Таким образом, “смешение” признаков с элементами, а также признаков с критерием искусственно ограничивает классификацию (деление)

¹⁷ См.: *Севастьянов А.П.* Пределы судебного усмотрения при назначении наказания. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 3.

¹⁸ См.: *Гаврилов Б.Я.* Об ограничении судебного усмотрения при назначении уголовного наказания // *Росс. юстиция.* 2006. № 4. С. 20.

¹⁹ См.: там же. С. 22.

явления на его составляющие. Подменяется понятие элемента, признака явления и критерия классификации преступлений друг другом.

Думается, что при определении содержания характера и степени общественной вредности законодатель должен пойти по простому пути, который ему подсказал правоприменитель. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ “О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания” от 29 октября 2009 г. при учете характера и степени общественной вредности преступления надлежит исходить из того, что характер общественной опасности преступления определяется в соответствии с законом с учетом объекта посягательства и формы вины, а степень общественной вредности преступления – конкретными обстоятельствами содеянного, в частности размером вреда и тяжести наступивших последствий, степенью осуществления преступного намерения, способом совершения преступления, ролью подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличием в содеянном обстоятельстве, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части Уголовного кодекса РФ²⁰.

Вместе с тем применительно к формальному основанию (критерию) классификации преступлений П. Коробов, по нашему мнению, занимает ошибочную позицию. Так, он отметил, что первоначально в ст. 15 УК РФ 1996 г. была закреплена четырехчленная классификация преступлений по характеру и степени общественной вредности. Неосторожные преступные деяния первоначально были распределены в ней между преступлениями небольшой тяжести, средней тяжести и тяжкими. В эти три группы деяний они входили наряду с умышленными преступлениями (ч. 2–4 ст. 15 УК РФ). К особо тяжким преступлениям были отнесены лишь умышленные деяния (ч. 5 ст. 15 УК РФ).

На его взгляд, подобная регламентация вопроса о неосторожных преступлениях являлась неудачной. Эти деяния не были обособлены в качестве самостоятельной классификационной единицы. В итоге якобы сразу возникла масса неувязок и сложностей. “Так, широко используя при регламентации общественных отношений названную четырехчленную классификацию преступлений, – пишет П. Коробов, – законодатель нередко вынужден был прибегать к дополнительному делению преступлений на семь групп. Выразалось

это в том, что при построении различных уголовно-правовых институтов он делал ссылки на умышленные преступления небольшой тяжести (п. “б” ч. 1 ст. 58, ч. 4 ст. 74 УК РФ), умышленные преступления средней тяжести (п. “а” ч. 3 ст. 18, п. “б” ч. 1 ст. 58, ч. 5 ст. 74 УК РФ), умышленные тяжкие преступления (п. “б” ч. 2, п. “а”, “б”, “в” ч. 3 ст. 18, п. “б” ч. 1 ст. 58, ч. 5 ст. 74 УК РФ). Тем самым презюмировался факт существования еще неосторожных преступлений небольшой тяжести, неосторожных преступлений средней тяжести, неосторожных тяжких преступлений. Если же добавить сюда группу особо тяжких преступлений, как раз и получалась семичленная классификация преступлений.

Классификация преступлений, включающая в себя четыре группы деяний (ч. 1 ст. 15 УК РФ), как и положено, строилась по одному признаку – характеру и степени их общественной опасности. В основу же семичленного деления преступных деяний вопреки требованиям логики были положены сразу два критерия: характер и степень общественной опасности преступлений и форма вины”²¹.

Автор не заметил, что ошибка методологического плана законодателем допущена не при фактическом делении категорий на семь групп, а гораздо раньше – при определении критерия классификации преступлений. В УК РФ их два: санкция статьи и форма вины. Отсюда и возникающие “проблемы” семичленного деления преступных деяний вопреки требованиям логики. При этом П. Коробов справедливо обратил внимание на то, что в современной редакции УК РФ, где неосторожные преступления исключены из числа тяжких, законодатель высказался за замену семичленной классификации преступлений шестичленным их делением на группы.

Выход из создавшегося положения данный автор видит в том, что наиболее приемлемым вариантом представляется реализация в законе давней идеи выделения в классификации преступных деяний специального разряда неосторожных преступлений. Аргументы такого положения: во-первых, в законодательстве не только были сохранены прежние, но получили отражение и новые нормативы, свидетельствующие о самом низком уровне общественной вредности неосторожных преступлений; во-вторых, при всей неуклюжести семичленной классификации преступлений нельзя

²⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 1. С. 3.

²¹ Коробов П. Неосторожные преступления в классификации преступных деяний // Уголовное право. 2004. № 4. С. 26, 27.

не видеть за этим стремление законодателя учесть специфику неосторожных преступлений с точки зрения принципа справедливости уголовной ответственности (ст. 6 УК РФ); в-третьих, на основе множества оговорок (ч. 3 ст. 15; ч. 1, п. “а”, “б” ч. 2, п. “а”, “б”, ч. 3 ст. 18 и др.) делается парадоксальный вывод о том, что “законодатель тем самым превращает исключение из общего правила в новое общее правило – о самостоятельной классификационной группе неосторожных преступлений”²². Таким образом, “выводятся” в одной классификации преступлений два критерия. Неосторожные преступления П. Коробов относит к невысокой опасности. Умышленные в зависимости от санкции подразделяет на: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие.

Думается, что, делая множество оговорок о неосторожных преступлениях, законодатель не устанавливает никаких исключений с “превращением” в самостоятельную классификационную группу неосторожных преступлений, но всего лишь подчеркивает необходимость деления внутри категорий преступных деяний на умышленные и неосторожные.

Единое основание – санкция статьи для одной и той же категории вполне “дозволяет” выделять умышленные и неосторожные преступления внутри такой категории. Естественно, что и уголовно-правовые последствия для одной и той же категории преступления должны быть одинаковыми вне зависимости от того, умышленные или неосторожные преступления входят в исследуемую группу. А потому нет никакого видимого противоречия в том, что “трудно” найти разумное объяснение тому, почему, например, “при неоднократной констатации в законе меньшей общественной вредности неосторожных причинителей вреда, тем не менее, за неосторожные преступления небольшой и средней тяжести установлены точно такие же сроки давности совершения преступления (п. “а”, “б” ч. 1 ст. 78 УК РФ), давности исполнения обвинительного приговора (п. “а”, “б” ч. 1 ст. 83 УК РФ), погашения судимости (п. “в” ч. 3 ст. 86 УК РФ), как и за умышленные преступления небольшой и средней тяжести”²³.

Специфика отбывания наказания за неосторожные преступления в колониях-поселениях (п. “а” ч. 1 ст. 58 УК РФ), в отличие от колоний-поселений за умышленные преступления, не опровергает нашего правила равенства уголовно-правовых последствий для преступлений одной категории,

но лишь подчеркивает важность выделения в такой категории умышленного или неосторожного совершения преступления с позиции принципа справедливости, где “равным” за “равное” назначается наказание в связи не только с характером и степенью общественной вредности (категории преступления), но и с личностью виновного. И ведь действительно – общественная опасность личности преступника, совершившего неосторожное преступление ниже, чем у лица, учиняющего аналогичное умышленное деяние, а потому наказание в виде лишения свободы за неосторожные преступления скорее числится таковым, реально же имеет место более мягкое наказание, похожее на ограничение свободы. Деление классификации преступлений в зависимости от того, умышленное это или неосторожное преступление, вынужденно ведет к ошибочному признанию неосторожных преступлений с самым низким уровнем общественной вредности. Однако П. Коробов считает, что в классификации преступных деяний они должны занять нижнюю ступень, именовать их следует преступлениями невысокой опасности²⁴.

Думается, довольно сложно понять и “объяснить”, почему, скажем, экологическая катастрофа на атомной станции в Чернобыле в 1986 г., (повлекшая гибель и заболевание тысяч людей, в том числе и в России), вызванная неосторожными действиями его руководства, – это преступление “невысокой” опасности, т.е. преступление менее вредное, чем преступление небольшой тяжести вроде умышленного причинения легкого вреда здоровью.

Кроме того, есть и еще один аспект подобного “парадокса”. Преступление “невысокой” опасности вроде Чернобыля может привести к неограниченному освобождению от уголовной ответственности при примирении виновного с потерпевшими – сотнями и тысячами людей.

Формально-логическая классификация признаков категорий преступлений с различием их на существенные и несущественные основана на учении о понятии. “Образуя понятие, – пишет В.И. Кириллов, – мышление фиксирует только существенные признаки, отбрасывая признаки несущественные. Содержание понятия составляет отраженная в мышлении совокупность существенных признаков”²⁵.

Существенный признак явления классификации преступлений в виде санкции статьи в категориях преступлений определяется через необходимость,

²² См.: там же. С. 27.

²³ Там же. С. 28.

²⁴ См.: там же.

²⁵ Кириллов В.И. Указ. соч. С. 79.

несущественный в виде формы вины – через случайность (он может принадлежать, а может и не принадлежать предмету). Выделяя существенные признаки, формальная логика опирается на общее. Признаки, общие для определенного множества предметов (логического класса), оказываются с этой точки зрения существенными, в то время как единичные признаки – несущественными. Именно на общие, повторяющиеся признаки и опирается формально-логическая теория понятия, рассматривая общее как существенное²⁶.

Таким образом, сущность классификации преступлений не абсолютна. Ее реальность такова, что она имеет сложную многоступенчатую структуру, различные уровни своей организации. Логика познания классификации преступлений

показала, что она содержит в себе сущности разных порядков – менее глубокую и более глубокую сущность, которые по-разному проявляют себя на поверхности.

Явление, отражая внешнюю, видимую сторону объекта применительно к классификации преступлений, выражено в санкции статьи. Явление обусловлено сущностью, представляет собой внешнее обнаружение сущности, форму ее проявления. Вместе с тем вопрос о сущности классификации преступлений как внутренней, скрытой характеристике, не доступной чувственному восприятию, может и должен связываться с объективностью характера причиняемого общественным отношениям вреда, конкретным выражением которого являются характер и степень общественной вредности преступления.

²⁶ Там же. С. 80.